

Джеймс Кервуд

Казан

Казан

Джеймс Кервуд

Казан

«Public Domain»

1914

Кервуд Д. О.

Казан / Д. О. Кервуд — «Public Domain», 1914 — (Казан)

«Казан лежал молча и неподвижно, положив серый нос между двух передних лап и полужакрыв глаза. Менее безжизненной не могла бы показаться даже скала: в нем не дрожал ни один мускул, не шевелился ни один волосок, он не мигал ни одним глазом. И все-таки каждая капля дикой крови в его прекрасно сложенном теле волновалась так, как еще ни разу в его жизни; каждый нерв, каждый фибр в его удивительных мускулах был натянут, как стальная проволока. На четверть – волк и на три четверти – ездовая собака, он уже четыре года прожил в самой дикой обстановке. Ему знакомы были муки голода. Он знал, что такое жестокий мороз. Он умел вслушиваться в жалобный вой ветров, дувших в долгие арктические ночи вдоль Барренса. Он слышал рев потоков и водопадов, и его не раз засыпало снегом в величественной сумятице зимних бурь. Его шея и бока были все в шрамах от драк, и глаза у него были красны от яркого блеска снегов. Его назвали «Казан», что значит Дикая Собака, потому что он представлял собою среди других собак гиганта и был так же безбоязлив, как и те люди, которые ехали на нем, побеждая опасности полярных стран...»

Содержание

Глава I. Чудо	6
Глава II. На север!	9
Глава III. Мак-Криди расплачивается	13
Глава IV. Свобода от рабства	17
Глава V. Люди!!	24
Глава VI. Казан встречается с Иоанной	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джеймс Оливер Кервуд Казан

* * *

Глава I. Чудо

Казан лежал молча и неподвижно, положив серый нос между двух передних лап и полужакрыв глаза. Менее безжизненной не могла бы показаться даже скала: в нем не дрожал ни один мускул, не шевелился ни один волосок, он не мигал ни одним глазом. И все-таки каждая капля дикой крови в его прекрасно сложенном теле волновалась так, как еще ни разу в его жизни; каждый нерв, каждый фибр в его удивительных мускулах был натянут, как стальная проволока. На четверть – волк и на три четверти – ездовая собака, он уже четыре года прожил в самой дикой обстановке. Ему знакомы были муки голода. Он знал, что такое жестокий мороз. Он умел вслушиваться в жалобный вой ветров, дувших в долгие арктические ночи вдоль Барренса. Он слышал рев потоков и водопадов, и его не раз засыпало снегом в величественной сумятице зимних бурь. Его шея и бока были все в шрамах от драк, и глаза у него были красны от яркого блеска снегов. Его называли «Казан», что значит Дикая Собака, потому что он представлял собою среди других собак гиганта и был так же безбоязлив, как и те люди, которые ехали на нем, побеждая опасности полярных стран.

Он никогда не знал страха, – но только до последней минуты. Он ни разу в жизни не ощущал в себе желания бежать от опасности, даже в тот ужасный день, когда ему пришлось однажды сцепиться в лесу с громадной серой рысью и загрызть ее. Он не знал, что могло бы его испугать, но отлично понимая теперь, что находился в каком-то другом мире, в котором было множество поводов для того, чтобы удивиться и испытать настоящий страх. Таково было его первое впечатление от цивилизации. Ему хотелось, чтобы его хозяин как можно скорее вернулся к нему обратно в эту странную комнату, в которой так надолго оставил его одного. Это была комната, обставленная какими-то неприятными предметами. Со стен смотрели на него странные лица, но они не двигались и не говорили, а уставились на него с таким видом, какого он еще ни разу не замечал у людей. Он помнил, как однажды его хозяин лежал неподвижно на снегу, закован от холода, а он сам в это время сидел на задних лапах, смотрел на него и жалобно выл от предчувствия летавшей вокруг них смерти; но эти люди на стенах смотрели, как живые, а казались покойниками.

Вдруг Казан насторожил уши. До него донеслись шаги, а затем и отдаленные голоса. Один из голосов был его хозяина. А другой вдруг заставил его задрожать. Однажды, когда-то давным-давно, когда он был еще щенком, так что это могло бы даже показаться сном, он слышал чей-то смех, каким обыкновенно смеются девушки, тот самый, полный радостного счастья и какой-то удивительной ласковости смех, который заставил теперь Казана поднять голову, когда эти двое вошли. Он уставился на них, и его красные глаза вдруг вспыхнули. Он тотчас же понял, что эта девушка была дорога для его хозяина, потому что тот сразу же ее крепко обнял. Когда вспыхнул огонь, то Казан увидел, что у нее были очень светлые волосы, здоровый, розовый цвет лица и ясные, голубые, точно васильки, глаза. Увидавши его, она вдруг вскрикнула и бросилась к нему.

– Осторожнее! – крикнул мужчина. – Он опасен! Казан...

Но она была уже около собаки и опустилась перед ней на колени, такая пушистая, веселая и красивая, глаза у нее сияли и руки уже готовы были его обнять. Отстранится ли от нее Казан? Бросится ли он на нее? Была ли она для него из тех людей, которые смотрели на него со стен, и вообще враг ли она для него? Не схватить ли ему ее прямо за белое горло? И он увидел, что мужчина подскочил к нему, бледный как смерть. А затем девушка все-таки коснулась Казана рукой, и он вдруг почувствовал, как от этого ее прикосновения по каждому его нерву вдруг пробежала дрожь. Общими руками она повернула его голову к себе. Она приблизилась к ней лицом, и он услышал, как чуть не со слезами она сказала:

– Так это ты, Казан, мой милый, дорогой Казан, мой герой, который принес его ко мне, когда все остальные поумирали! Мой Казан, мой герой!

И затем, чудо из чудес, она прижалась к нему лицом, и он почувствовал от этого прикосновения теплое, сладкое ощущение.

Все это время Казан не шевелился. Он едва дышал. Прошло много времени, прежде чем девушка подняла от него лицо. И когда она это сделала, то ее глаза блестели от слез, а над нею и Казаном стоял мужчина, стиснув зубы и держа руки наготове.

– Я никогда не думал, – сказал он в крайнем удивлении, – чтобы он позволил кому-нибудь прикоснуться к себе голыми руками. Отодвинься-ка назад, Изабелла. Но что это такое? Посмотри-ка!

Казан тихонько заскулил и уставился своими красными глазами девушке в лицо. Ему хотелось, чтобы она снова погладила его рукой; он желал лизнуть ее прямо в лицо. Побьют ли его палкой, казалось, думал он, если он осмелится на это? Теперь уж он вполне безопасен для нее. Он может броситься за нее на кого угодно. И он пополз к ней на животе, дюйм за дюймом, не спуская с нее глаз. Он слышал, как мужчина воскликнул: «Но что это? Посмотри-ка!» – и весь задрожал. Но никто не ударил его, чтобы он отскочил назад. Он коснулся пальцем ее легкого платья, и она, нисколько не отстранившись от него, посмотрела на него влажными глазами, блиставшими, как звезды.

– Смотри! – прошептала она. – Смотри!

На полдюйма, на дюйм, на два дюйма ближе – и он всем своим большим, серым телом подполз к ней вплотную. Теперь уж его морда медленно стала искать ее ног, ее коленей и, наконец, коснулась ее теплой, маленькой руки, лежавшей на коленке. Его глаза все еще были устремлены на нее: он видел казавшееся ему странным трепетание в ее белом открытом горле и как затем задрожали у нее губы, и с удивлением посмотрел на мужчину. Он тоже, в свою очередь, опустил на колена около них и одной рукой обнял девушку за талию, а другой стал гладить собаку по голове. Казан не любил его прикосновения. Он не доверял ему, так как природа научила его относиться с недоверием к прикосновению к нему рук всех мужчин вообще; но он терпел это теперь потому, что замечал, что это нравилось и девушке.

– Казан, старый приятель, – обратился к нему ласково хозяин, – ведь ты не будешь трогать ее, не правда ли? Мы оба будем любить ее! Хорошо? Она теперь наша; ты понимаешь, Казан, она теперь вся целиком наша с тобой! Она теперь твоя и моя, и мы положим за нее всю нашу жизнь; и если нам с тобой когда-нибудь придется защищать ее, то мы будем драться, как дьяволы. Не правда ли? Как ты думаешь, Казан?

И еще долгое время, когда они уже отошли от собаки и оставили ее лежать по-прежнему на разостланной шкуре одну, то Казан все еще не сводил глаз с девушки. Он прислушивался и наблюдал, и с каждой минутой ему все больше и больше хотелось подползти к ним обоим и лизнуть девушку в руку, в платье или в ногу. Немного спустя его хозяин сказал что-то девушке, и она со смехом подбежала к чему-то большому, четырехугольному и блестящему, стоящему поперек угла и вдруг оскалившему такой длинный ряд белых и черных зубов, что с ним не смог бы сравниться по длине даже и весь Казан. Он удивился на эти зубы. Девушка коснулась их своими пальцами, и все завывание ветров, которое он когда-либо слышал, вся музыка водопадов и речных быстрин, все песни птиц весенней порой сразу же побледнели для него при тех звуках, которые полились из-под этих зубов. Это была его первая музыка. В первую минуту она заставила его вздрогнуть и даже испугала его, а затем он почувствовал, что это был вовсе не страх, а какой-то странный зуд, вдруг пробежавший по всему его телу. Ему вдруг захотелось сесть на задние лапы и завывать, как он обыкновенно выл на миллиарды звезд, рассеянных по небу в холодные зимние ночи. Но что-то удержало его от этого. Удержала именно девушка. Он стал медленно подползать к ней на животе, но, почувствовав на себе взгляд мужчины, остановился. А потом опять пополз, но только чуть заметно, по одному дюйму в редкие промежутки

времени, вытянув далеко вперед шею и положив морду прямо на пол. Он был уже на самой середине комнаты, как раз на полпути к девушке, как вдруг эти удивительные звуки стали замирать и зазвучали низко-низко.

– Продолжай! – быстро заговорил мужчина. – Продолжай еще! Не останавливайся!

Девушка обернулась, посмотрела, как собака ползла на животе по полу, и стала играть еще. И мужчина все еще смотрел на Казана, но его взгляд уже не мог отогнать его назад. Казан продвигался все ближе и ближе, пока, наконец, его вытянутая морда не коснулась ее платья, в складках лежавшего на полу. А затем он весь задрожал, потому что она стала петь. Он слышал и раньше, как мурлыкали перед своими юртами индейские женщины, слышал дикий рев индейцев, распевавших свою обычную песню про оленя, но чтобы такая удивительная приятность могла вдруг слетать с губ девушки, он не мог себе даже и представить. Теперь уж он совсем забыл о присутствии своего хозяина. Спокойно, исподтишка, так, чтобы она не заметила, он поднял голову. Но она все-таки посмотрела на него; в ее глазах для него было что-то такое, что внушало ему доверие, и он положил ей голову прямо на колени. А потом и сама девушка коснулась его рукой, и с глубоким, продолжительным вздохом он зажмурил глаза. Музыка закончилась. Над ним раздался легкий, трепетавший звук – не то смех, не то рыдание. Он услышал затем кашель своего хозяина.

– Я всегда любил этого пса, – сказал хозяин, – но никак не мог ожидать от него ничего подобного.

И его голос показался Казану тоже дрожащим.

Глава II. На север!

Для Казана потянулись удивительные дни. Он позабыл о лесах и глубоких снегах. Он позабыл о своих ежедневных драках со своими товарищами по упряжи, об их лае позади него, о длинных поездках по обширным пространствам Барренса напрямик. Он позабыл о понуканиях погонщиков, о предательском свисте двадцатифутовой плети из оленьей кожи и о взвизгиваниях и о напряжении, говоривших ему о том, что позади него, вытянувшись в одну линию, следовали еще и другие собаки. Но что-то другое заняло место всего того, что он теперь потерял. Оно находилось в комнате, в воздухе, вокруг него самого, даже и тогда, когда девушка и его хозяин вовсе не находились поблизости. Где бы она ни была, он всюду находил это странное нечто, что совершенно не давало ему чувствовать себя одиноким. Это был запах девушки, и иногда именно этот самый запах заставлял его тихонько скулить по ночам, когда ему следовало бы вместо этого просто выть на звезды. Он не был одинок, потому что как-то ночью во время своих скитаний по квартире он вдруг набрел на какую-то дверь, и когда девушка утром отворила эту дверь, то нашла его свернувшимся калачом и тесно к ней прижавшимся. Она наклонилась над ним и приласкала его, причем ее густые волосы волнами упали на него и обдали его своим запахом; после этого она уже сама постлала около своей двери мех, чтобы он спал здесь всегда. И в течение всех долгих ночей он знал, что она находилась по ту сторону двери, и был доволен. С каждым днем он все менее и менее думал о тех диких местах, которые оставил, и все больше и больше думал о ней.

А затем наступила перемена. Как-то странно вдруг все вокруг него засуетились, заспешили, и девушка перестала обращать на него внимание. Он забеспокоился. Он обонял эту перемену в самом воздухе и стал следить за выражением лица своего хозяина. А потом как-то однажды утром, очень рано, на него надели ошейник и опять привязали к нему железную цепь. И он стал, наконец, понимать все только тогда, когда хозяин потащил его за собой и вывел через дверь на улицу. Итак, значит, его уводят куда-то прочь. Он вдруг подался всем телом назад и отказался повиноваться.

– Пойдем, Казан, – стал ласково уговаривать его хозяин. – Иди, мой милый!

Казан потянул назад и оскалил белые зубы. Он ожидал визга плети или удара дубиной по телу, но не последовало ни того, ни другого. Хозяин засмеялся и ввел его обратно в дом. И когда они вновь вышли из него, то на этот раз с ними была уже и девушка и шла рядом с ним, держась за его голову. Только благодаря ей он прополз через зиявшую дверь в темный багажный вагон, и только она одна и светила ему в его мрачном углу, куда привязал его хозяин. Затем оба они вышли, смеясь, как дети. Целые часы после этого Казан пролежал тихо и весь в напряжении, прислушиваясь к монотонному стуку колес как раз под собой. Несколько раз эти колеса переставали вертеться, и тогда он слышал долетавшие до него извне голоса. Под конец ему показалось, что он услышал знакомый голос, и он тотчас же вскочил, натянул цепь и заскулил. Запертая дверь отодвинулась вбок. Вошел человек с фонарем, а за ним следовал хозяин. Казан не обратил на них ровно никакого внимания, но стал всматриваться сквозь дверь в ночную темноту. Он чуть не разорвал ошейник, когда выскочил на белый снег, но, не найдя там той, кого искал, он остановился как вкопанный и стал втягивать в себя воздух. Над ним сверкали звезды, на которые он выл всю свою жизнь, а вокруг него возвышались леса, черные и молчаливые, окружавшие всю станцию, как стеной. Тщетно он искал того запаха, которого теперь для него не хватало, и Торп услышал низкую ноту горя, вдруг вылетевшую из его лохматого горла. Он поднял фонарь над головой, замахал им в воздухе, приспустив при этом цепь от ошейника Казана. На этот сигнал из ночного мрака вдруг отозвался женский голос. Он раздался откуда-то издалека, и Казан сразу так рванулся вперед, что цепь выскочила из

руки мужчины. Он увидел перед собой мерцание и других фонарей. И вслед за тем еще раз послышался все тот же голос:

– Казан!.. Сюда!..

Он помчался на него, как стрела. Торп засмеялся и побежал следом за ним.

– Ах ты, разбойник!.. – ворчал он.

Возвратившись от багажного вагона обратно к освещенному пространству, Торп увидел, что Казан уже лежал калачом у самых ног женщины. Теперь это была уже жена Торпа. Когда он вырисовался из мрака, она торжествующе посмотрела на него.

– Ты выиграла! – засмеялся он не без удовольствия. – Я мог бы поставить свой последний доллар за то, что он ни за что на свете не узнал бы твоего голоса среди массы других голосов. Но ты все-таки выиграла. Казан, дурак ты этакий, ведь я тебя проиграл!

Лицо его вдруг омрачилось, когда Изабелла нагнулась, чтобы взяться за конец цепи.

– Теперь он твой, Иза, – быстро добавил он, – но ты уж предоставь его мне, пока мы не узнаем его в точности. Дай мне цепь. Я все еще не доверяю ему. Ведь он все-таки волк. Я сам был свидетелем, как он в один момент откусил руку у индейца. Я сам лично видел, как он в один прием перегрыз горло другой собаке. Ведь он – выродок, не чистая собака, несмотря на то, что вцепился в меня, как герой, и вынес меня живьем. Я, однако, еще не могу положиться на него. Дай сюда цепь...

Не успел он еще и договорить, как послышалось рычание, как у дикого зверя, и Казан вскочил на ноги. Губы у него приподнялись и оскалили длинные клыки. Spина оцетинилась, и с внезапным криком предостережения Торп схватился за висевший у него сбоку револьвер.

Но Казан не обратил на него внимания. Другая фигура вдруг вышла из ночного мрака и стала тут же, в освещенном фонарями пространстве. Это был Мак-Криди, проводник Торпа и его жены на обратном пути Торпа к Красной реке, куда Торп возвращался на службу. Этот человек был строен, могуч и гладко выбрит. Его подбородок был почти совсем четырехугольный, что давало ему животное выражение. И когда он поглядывал на Изабеллу, то в глазах у него зажигался такой огонек, что Казан приходил прямо в исступление.

Ее белый с красным вязаный колпачок съехал у нее с головы и свешивался к самому плечу. Неверный отблеск от фонарей отражался теплым, золотистым светом у нее на волосах. Ее щеки пылали румянцем, и когда она вдруг увидела его, то в ее голубых, как васильки, глазах вдруг засверкали алмазы. Мак-Криди кивнул ей головой, и в ту же минуту ее рука опустилась на голову Казану. В первый момент собака не почувствовала на себе ее прикосновения. Она все еще ворчала на Мак-Криди, и ее угрожавшее рычание стало еще слышнее вырываться у нее из груди. Жена Торпа потянула за цепь.

– Замолчи, Казан, довольно! – скомандовала она.

При звуке ее голоса он успокоился.

– Ляг! – приказала она и снова положила ему на голову свободную руку.

Он повалился к ее ногам. Но его губы все еще оставались приподнятыми. Торп все время наблюдал за ним. Он изумлялся тому смертоносному яду, которым светились волчьи глаза Казана, и затем перевел свой взгляд на Мак-Криди. Рослый проводник в это время развернул кольца своей длинной плети. Странное выражение вдруг появилось у него на лице. Он уставился на Казана. Затем он вдруг перегнулся вперед, упершись обеими руками в колени, и, казалось, на один или два момента забыл вовсе о том, что Изабелла Торп смотрела на него изумленными голубыми глазами.

– Вперед, Педро, лови! – воскликнул он.

Одно это слово «лови» было известно всем собакам, состоявшим на службе при Северо-Западной горной полицейской охране. Казан не шевельнулся. Мак-Криди выпрямился и с быстротою молнии развернул свою длинную плеть и щелкнул ею в воздухе так, точно раздался выстрел из револьвера.

– Лови, Педро, лови!

Клокотание в горле у Казана превратилось в злобное рычание, но ни один мускул на нем не дрогнул. Мак-Криди обратился к Торпу.

– Могу поклясться, что я знаю эту собаку, – сказал он. – Если это Педро, то берегитесь его!

Торп держался за цепь. Только одна молодая женщина заметила тот взгляд, который на минуту вспыхнул в глазах у Мак-Криди. Она вздрогнула от него. Ведь всего только несколько минут тому назад, когда поезд только что остановился у этой станции, она сама же предложила этому человеку руку, и он точно так же посмотрел на нее и тогда. Но даже и в эту минуту, когда она почувствовала себя так неловко, ей пришлось на ум все то, что рассказывал ей муж об этих жителях дремучих лесов. Она научилась любить их, удивляться их силе, непоколебимому мужеству и благородству их души еще раньше, чем попала, наконец, сама сюда, в их среду; и, поборов в себе эту боязнь и это охватившее ее неприятное чувство, она постаралась улыбнуться Мак-Криди.

– Вы не понравились ему, – с ласковой улыбкой заметила она. – Отчего бы вам сразу же не сделаться друзьями!

И она потянула к нему Казана, тогда как Торп все еще держался за конец цепи. Мак-Криди стал рядом с ней, когда она склонилась над собакой. Он тоже наклонился над ней, держа спину к Торпу, и головы его и Изабеллы сошлись вместе всего только на какой-нибудь фут расстояния. Он мог видеть в темноте румянец на ее щеках и выражение ее губ, когда она старалась успокоить ворчавшего Казана. Торп держался в это время настороже, готовый каждую минуту потянуть за цепь, но в это время Мак-Криди находился между ним и его женой, и он не мог видеть выражения его лица. Но Мак-Криди смотрел вовсе не на Казана. Он пожирал глазами Изабеллу.

– А вы храбрая! – сказал он. – Я бы не решился на это. Он тотчас же сбросил бы с себя мою руку!

Он взял от Торпа фонарь и направился по узенькой тропинке, ведущей куда-то в глубину от железнодорожной платформы. Там, за опушкой из молодого ельника, находился лагерь, который еще две недели тому назад оставил для себя Торп. Он состоял из двух палаток, в которых ночевали тогда он сам и его проводник. Перед ними теперь был разложен большой костер. Около огня стояли длинные сани, и Казан увидел неясные тени и сверкавшие в темноте глаза своих товарищей по упряжи – собак, которые были привязаны к деревьям. Он стоял недвижимо, точно окаменелый, когда и его тоже Торп стал привязывать к саням. Значит, он опять возвратился к своим лесам и теперь снова должен приняться за дело! Его хозяйка в это время смеялась и хлопала в ладоши от удовольствия и от возбуждения при мысли о странной и удивительной жизни, которая должна была теперь открыться для нее впереди. Торп откинул в сторону полу палатки, и она вошла в нее первая, а за нею последовал и он. Она не обернулась назад. Она не сказала Казану ни одного слова. Он заскулил и красными глазами стал смотреть на Мак-Криди.

В палатке Торп сказал:

– Мне жаль, Иза, что не старый Джэкпайн будет сопровождать нас далее. Он ехал со мною сюда, но ни деньгами, ни лаской я не мог уломать его возвратиться со мной обратно. Я бы отказался от своего месячного жалованья, чтобы только ты посмотрела, как этот индеец умеет управляться с собаками! А в этого Мак-Криди я что-то не верю. Он опытен и, как уверял меня агент Компании, знает все леса как свои пять пальцев. Но собаки не любят чужого проводника. Казан не ставит его ни в грош!

Казан услышал голос молодой женщины и насторожился, стараясь в него вслушаться. Он не видел и не услышал, как сзади к нему подкрался Мак-Криди. Точно выстрел, внезапно раздался позади Казана его голос:

– Педро!

В один момент Казан съежился, точно его стегнули плетью.

– Наконец-то я добрался до тебя, старый черт! – прошипел Мак-Криди, и лицо его сразу как-то странно под бледнело при свете костра. – Дали тебе другое имя, да? Но я все-таки тебя узнал, не правда ли!

Глава III. Мак-Криди расплачивается

После этих слов Мак-Криди еще долго сидел молча у костра. Только раз или два за все время он отвел глаза от Казана. А затем, убедившись, что Торп и Изабелла уже улеглись совсем, он отправился к себе в палатку и вернулся из нее с бутылкой водки. Он отпивал из нее раз за разом в течение целых получаса. Потом он отошел в сторону и сел на край саней, у самой цепи, к которой был привязан Казан.

– Я таки добрался до тебя! – повторял он по мере того, как хмель бросался ему в голову. – Интересно знать, Педро, кто дал тебе другое имя? И как ты попал именно к нему! Хо-хо, если бы ты только умел говорить...

Они услышали голос Торпа, заговорившего внутри палатки. За ним последовал сдерживаемый, веселый девичий смех, и Мак-Криди насторожился. Его лицо сразу покраснело, и он поднялся на ноги, сунув бутылку к себе в карман пиджака. Побродив вокруг огня, он тихонько, на цыпочках, вошел в тень, отбрасываемую деревом, стоявшим как раз возле самой палатки, и стал вслушиваться. Глаза его горели дикой страстью, когда он возвратился обратно к саням и к Казану. Была уже полночь, когда он вошел к себе в палатку.

В тепле от костра глаза у Казана стали смыкаться. Он задремал беспокойным сном, и в мозгу у него стали проноситься сбивчивые картины. Вот он дерется, и челюсти его при этом крепко сжимаются, а вот он натягивает свою цепь, и Мак-Криди, и его госпожа уже готовы достать до него руками. Он чувствует вновь легкое прикосновение к себе руки молодой женщины и слышит ее удивительно сладкий для него голос, когда она поет для него и для его хозяина, и все его тело дрожит и волнуется от знакомого трепета. А затем картина вдруг меняется. Он бежит во главе великолепной запряжки в шесть собак, принадлежащей Королевской Северо-Западной горной полиции, – и его хозяин называет его кличкой Педро! Сцена меняется. Вот они уже на привале. Его хозяин молод и без бороды. Он стаскивает с саней другого человека, у которого руки закованы спереди в какие-то странные черные железные кольца. Немного позже он, пес, лежит уже перед большим костром. Его хозяин сидит против него, спиной к палатке, и смотрит на него. Вот из палатки выходит человек с железными кольцами на руках, только теперь его руки уже свободны, вовсе без колец, и в одной из них он держит тяжелую дубину. Пес слышит ужасный удар дубиной прямо по голове его хозяина – и этот звук пробуждает его от беспокойной дремоты.

Пес вскакивает на ноги, спина его оцетинилась, рычание заклокотало у него в горле. Огонь в костре уже погас, и весь лагерь погрузился в еще больший мрак, как это всегда бывает перед рассветом. Сквозь этот мрак Казан видит Мак-Криди. Он уже подкрался к палатке его хозяйки, и собака узнает в нем того самого человека, который когда-то был закован в ручные железные кандалы, и что это тот самый человек, который бил его затем плетью и дубиной долгие дни, последовавшие за убийством его хозяина. Мак-Криди услышал угрозу в его рычании и быстро отскочил обратно к костру. Насвистывая, он стал складывать вместе полуобгорелые поленья, и когда огонь вспыхнул снова, то он крикнул, чтобы разбудить Торпа и Изабеллу. Через две-три минуты, отдернув полу палатки, показался Торп, за ним следовала его жена. Ее распущенные волосы золотыми кольцами падали ей на плечи. Она села на сани около Казана и стала их расчесывать. Мак-Криди подошел к ней сзади и стал рыться в свертках, лежавших на санях. Как бы случайно одна из его рук зарылась на минуту в ее богатые локоны, спускавшиеся по спине. Она не почувствовала ласки от прикосновения его пальцев, а сам Торп сидел к нему задом. Только один Казан заметил это воровское движение руки Мак-Криди, любовное перебирание пальцами в ее волосах и безумную страсть, вдруг вспыхнувшую в глазах у этого человека. Быстрее, чем рысь, собака рванулась на всю длину своей цепи прямо к саням. Мак-Криди успел вовремя отскочить назад, и, как только Казан дотянул цепь до конца, его

отбросило назад с такой силой, что всем своим телом он по инерции шарахнулся на молодую женщину. Торп тотчас же схватился за цепь. Ему показалось, что Казан бросился на Изабеллу, и в ужасе, даже не вскрикнув и не произнеся ни одного слова, он поднял ее с того места, куда она свалилась с саней. Он увидел, что она не пострадала, и хватился своего револьвера. Но револьвер остался в кобуре в палатке. Как раз под ногами у Торпа валялась плеть Мак-Криди, и в минутной вспышке гнева он схватил ее и бросился на Казана. Собака завертелась на снегу. Она не сделала ровно никакого движения, чтобы убежать или напасть со своей стороны. Казан вспомнил, что только однажды в жизни он испытал точно такой же ужасный удар, каким наградила его сейчас Торп. Но и тогда он не издал ни визга, ни ворчания.

А затем вдруг неожиданно его госпожа подскочила к Торпу и вырвала у него из руки плеть, уже во второй раз завизжавшую в воздухе над головой собаки.

– Не смей больше бить! – крикнула она, и что-то в ее голосе действительно удержало его от удара.

Мак-Криди не слышал, что она тогда же сказала, но Торп вдруг как-то странно посмотрел на него и, не сказавши ни слова, последовал за своей женой в палатку.

– Казан бросился вовсе не на меня, – зашептала она ему в крайнем возбуждении. Ее лицо смертельно побледнело. – Этот человек был сзади меня, – продолжала она, хватая мужа за руки. – Он стал трогать меня, и Казан бросился на него в мою защиту. Он вовсе не хотел кусать меня. Он бросился именно на него. Нехорошо, нехорошо!..

Она чуть не рыдала, и Торп притянул ее поближе к себе.

– Я и не воображал этого, – ответил он. – Но как все это странно! Ты помнишь, как Мак-Криди сказал, что эта собака ему уже знакома? Может быть, Казан раньше принадлежал ему и до сих пор не может простить ему нанесенных обид? Завтра я все это выясню. Но, пока я всего не разузнаю, обещаешь ли ты мне, что будешь держаться от Казана в стороне?

Изабелла обещала. Когда они снова вышли из палатки, то Казан поднял свою большую голову. Удар плети пришелся ему как раз по глазу, и изо рта сочилась кровь. Изабелла вздохнула, но не подошла к нему. Полуслепой, он знал, что именно она, его госпожа, приостановила его наказание, тихо заскулил и стал стучать своим сильным хвостом по снегу.

Никогда еще он не чувствовал себя таким жалким, как в последовавшие затем долгие, мучительные часы дня, когда он побежал во главе упряжи на север. Один глаз его закрылся совсем и пылал, как в огне, и на теле ощущалась боль от последовавших затем ударов плетью из оленьей кожи. Но его угнетали не физические мучения, от которых так тупо чувствовала себя голова и так ныло все тело от необходимости бежать как можно скорее – такова уж доля передовой собаки. Он страдал духом. В первый раз в жизни его сломили. Мак-Криди бил его, но когда-то давно; хозяин тоже сегодня побил его; и в течение всего этого дня их голоса звучали в его ушах как-то строго и мстительно. Но больше всего его обидела его госпожа. Она отдалилась от него и стала держаться настороже; а когда они останавливались для отдыха и располагались снова лагерем, то она смотрела на него странными, удивленными глазами и не заговаривала с ним. Значит, и она тоже будет его бить. Он верил в это и уже сам стал сторониться ее и растягивался на животе прямо на снегу. Для него разбитый дух значил то же, что и разбитое сердце. В эту ночь он скорбел один. И никто не знал, что он действительно скорбел, – даже сама молодая женщина. Она не приближалась к нему. Она не заговаривала с ним. Но она зорко следила за ним и изучала каждое его движение, всякий раз как он поглядывал на Мак-Криди.

Позже, когда Торп и его жена отправились на ночь к себе в палатку, стал идти снег, и действие, которое этот снег производил на Мак-Криди, удивило Казана. Мак-Криди как-то забеспокоился, стал часто отпивать из фляжки, из которой пил и вчера. При свете костра лицо его становилось все краснее и краснее, и теперь Казан мог уже ясно видеть, как странно стали сверкать его зубы всякий раз, как он поглядывал на палатку, в которой спала Изабелла. Все чаще и чаще Мак-Криди стал подходить к ней и прислушиваться. Два раза он услышал, как там

внутри задвигались. В самую последнюю минуту раздался храп Торпа. Мак-Криди поспешил обратно к костру и поднял голову к небу. Снег все еще шел густой массой, и когда он опустил голову, то все его лицо было белое и не было видно от снега глаз. Затем он отошел в темноту и стал вглядываться в след, который они оставили на снегу только несколько часов тому назад. Он почти весь целиком был занесен снегом. Еще час – и от следа не останется и помину, и никто из тех людей, которые завтра поедут этой же дорогой, и не догадается, что они здесь ночевали. К утру будет завалено снегом уже все – даже костер, если он догадается потушить его заранее. Мак-Криди тут же в темноте отпил из фляжки еще раз. Слова дикой радости вдруг слетели у него с уст. Голова его разгорячилась от алкоголя. Сердце бешено билось, но все-таки не так сильно, как у Казана, когда пес вдруг увидел, как Мак-Кради возвращался обратно уже с дубиной в руке! Дубину он приставил к дереву. Затем взял с саней фонарь и зажег его. Держа в руке фонарь, он приблизился к палатке Торпа.

– Эй, Торп! – воскликнул он. – Торп!..

Ответа не последовало. Он слышал, как Торп глубоко дышал. Приподнявши полу палатки, Мак-Криди крикнул громче:

– Торп!

И все-таки внутри не последовало никакого движения. Тогда он развязал веревочки и в образовавшееся отверстие просунул фонарь. Свет отразился на золотых волосах Изабеллы, прижавшейся к плечу мужа, и Мак-Криди смотрел на нее, и глаза у него горели, как уголья, пока наконец не пробудился Торп. Тотчас же он схватился за угол от полы палатки и захлопал им в воздухе снаружи.

– Эй, Торп! – снова закричал он. – Проснитесь!

Тогда Торп ответил:

– Это вы, Мак-Криди? В чем дело?

Мак-Криди опустил край палатки и тихо заговорил:

– Да, это я. Не можете ли вы выйти ко мне на минуту? Кто-то ходит в лесу. Только не будите вашу жену!

Он отошел назад и стал ожидать. Через минуту Торп быстрыми шагами вышел из палатки. Мак-Криди указал ему на густой ельник.

– Клянусь вам, что вокруг нашего лагеря кто-то ходит, – сказал он. – Несколько минут тому назад, когда я ходил за дровами, я видел какого-то человека. Уверяю вас. Время самое подходящее, чтобы украсть у нас собак. Вот смотрите! Светите сюда! Если я не сплошной дурак, то мы увидим сейчас на снегу следы.

Он передал Торпу фонарь и взял с собою тяжелую дубину. Казан заворчал, но тотчас же и смолк. Он хотел было продолжать ворчать и далее, чтобы предостеречь Торпа и броситься к нему, насколько позволяла его цепь, но понял, что когда они возвратятся, то будут его бить. Поэтому он продолжал лежать спокойно, дрожа всем телом, и только потихоньку скулил. Он следил за ними, пока они не скрылись из виду совсем, а затем стал ожидать и прислушиваться. Наконец он услышал хрустение снега под ногами. Он не удивился тому, что это Мак-Криди возвращался назад один. Он и ожидал, что он возвратится один. Ибо он знал, что должна была означать его дубина!

Лицо Мак-Криди было теперь ужасно. Точно у зверя. Он шел без шапки. Он засмеялся низким, ужасным смехом, и Казан спрятался еще глубже в тень, так как в руках у него все еще была дубина. Затем он бросил ее и подошел к палатке. Отдернув занавеску, он заглянул в нее. Жена Торпа все еще спала; тихонько, как кошка, он вошел в палатку и повесил фонарь на гвоздь, вбитый в среднюю подпорку. Его движения не разбудили ее, и он простоял около нее несколько времени и все смотрел на нее и смотрел.

А на дворе, забившись в глубокую тень, Казан старался объяснить себе значение всех этих странных происшествий. Зачем его хозяин и Мак-Криди уходили в лес? Почему его

хозяин не возвратился? Ведь эта палатка принадлежала его хозяину, а не Мак-Криди! Почему же туда вошел именно Мак-Криди? Он не спускал с палатки глаз с тех пор, как Мак-Криди туда вошел, и вдруг вскочил на ноги, оцетинил затылок и напряг все члены. Он увидел на полотне громадную тень Мак-Криди и вслед за тем услышал странный, пронзительный крик. В диком ужасе, который чуялся в этом крике, Казан узнал именно ее голос и рванулся к палатке. Цепь остановила его и так сдавила ему ошейником горло, что он чуть не задохнулся. Затем он увидел по теням, что там уже происходила борьба, и наконец послышались ее крики. Она звала его хозяина и вместе с тем кричала и ему:

– Казан, Казан!

Он бросился к ней опять, но снова был отброшен цепью назад. Во второй и в третий раз он рванулся на всю длину своей привязи, и ошейник врезался ему в шею, как острый нож. Он остановился на секунду и перевел дыхание. Тени все еще боролись. Теперь уже оба они были на ногах. Вот уже они крепко между собою сцепились! С диким рычанием Казан еще раз рванул цепь всею тяжестью своего тела. Раздался треск, замок в цепи лопнул, и цепь дала ему свободу.

В пять-шесть прыжков Казан был уже около палатки и вскочил в нее. Заворчав, он схватил Мак-Криди прямо за горло. Первая же хватка его могучих челюстей была уже смертельна, но он этого не знал. Он знал только одно, что его госпожа была здесь и что он должен был ее защищать. Последовал сдавленный, прерывистый крик, который закончился затем тяжким вздохом; его издал Мак-Криди. Человек опустился на колени, затем повалился на спину, и Казан еще глубже запустил свои клыки в горло своему врагу – он почуял запах теплой крови.

Теперь уж на собаку кричала и сама ее госпожа. Она отгаскивала Казана назад за его лохматую шею. Но Казан не разжимал челюстей еще долгое время. И когда наконец он их разжал, то его хозяйка посмотрела на мужчину и закрыла себе лицо руками. Затем упала на постель. Долго не двигалась. Руки и лицо у нее были холодны, и Казан ласково их облизывал. Глаза у нее оставались закрытыми. Он близко прижался к ней и все еще продолжал оскалывать зубы на покойника. Но почему же она не двигалась, удивлялся он.

Прошло долгое время, прежде чем она шевельнулась. Глаза у нее открылись. Ее рука коснулась его.

А затем он услышал раздавшиеся снаружи шаги.

Это был его хозяин, и со старой дрожью от страха перед дубиной Казан бросился к выходу из палатки. Да, это был его хозяин, костер осветил его, и в его руке Казан увидел дубину. Он шел медленно, чуть не падал на каждом шагу, и все лицо у него было в крови. Но все-таки в руке у него была дубина! Он опять начнет колотить ею собаку и сильно избьет ее за то, что она покончила с Мак-Криди; и Казан тихонько прополз под полою палатки и убежал в тень. Из своей засады под ветвями ели он смотрел на палатку, и низкий вой любви и в то же время и горя вырвался вдруг из его горла и быстро замер. Теперь уж они будут его бить всегда и именно за это. Даже она будет его бить. Они будут гнать его от себя и отколотят его тотчас же, как только его найдут.

И он отвернул свою волчью голову от огня к глубине леса. Там не было для него ни дубин, ни визга плетей. Там они не найдут его никогда.

Некоторое время он колебался. А затем так же тихонько, как и те дикие звери, от которых он происходил, он выскочил из своей засады и утонул во мраке ночи.

Глава IV. Свобода от рабства

Верхушки сосен шумели от набегавшего на них ветра, когда Казан окунулся в таинственную темноту леса. Целые часы он все-таки пролежал недалеко от места стоянки, уставившись красными, сверкавшими глазами в палатку, в которой еще так недавно произошло такое ужасное событие.

Теперь он знал, что такое смерть. Он мог бы объяснить это даже лучше, чем человек. Он мог обонять ее в воздухе и чуял, что смерть витала вокруг него, и что именно он был ее причиной. Он лежал на глубоком снегу прямо на животе и дрожал, и три четверти его, составлявшие в нем собаку, скулили от невыносимого горя, тогда как одна четверть, бывшая в нем от волка, заставляла его с угрозой оскалывать зубы и зажигала его глаза пламенем мести.

Три раза его хозяин выходил из палатки и громко его звал: «Казан, Казан, Казан!»

Три раза и молодая женщина выходила вместе с ним. При свете костра Казан мог видеть ее светлые волосы, развевавшиеся вокруг нее, как и в то время, когда он только что вбежал в палатку и загрыз человека. В глазах ее все еще светился ужас, и лицо было бледно, как снег. И во второй, и в третий раз она тоже кричала: «Казан, Казан, Казан!» И вся та часть его, которая составляла в нем собаку, а не волка, дрожала от радости при звуке ее голоса, и он даже был готов подползти к ней, чтобы его избили. Но страх перед дубиной все-таки оказался сильнее, и он час за часом все отползал глубже и глубже назад, пока наконец в палатке не водворилось молчание и не перестали двигаться тени и пока самый огонь в костре не погас.

Осторожно он вышел из своей засады и, все еще на животе, пополз к нагруженным саням и к тому, что осталось от погасшего костра. За этими санями, в тени от деревьев, лежал труп человека, которого он загрыз, покрытый войлоком. Торп, его хозяин, оттащил покойника сюда.

Казан лег носом к горячим угольям и, вытянув морду между передних лап, уставился глазами прямо во вход в палатку. Он решил бодрствовать, наблюдать и быть готовым тотчас же бежать в лес, как только в ней последует хоть какое-нибудь движение. Но тепло, исходившее от серой золы в уже потухшем костре, смыкало ему глаза. Два или три раза он боролся с собой, как бы не заснуть; но под конец его полуоткрытые глаза все-таки не справились с дремотой и плотно закрылись.

Теперь, во сне, он тихонько заскулил, и его развитые мускулы на ногах и плечах напряглись, и внезапная дрожь пробежала вдруг вдоль его лохматой спины. Если бы находившийся в это время в палатке Торп мог видеть его, то он понял бы, что Казан видел сон. А жена Торпа, золотая головка которой лежала на груди у мужа и которая не могла успокоиться даже и теперь и то и дело вздрагивала, как это делал и Казан, – могла бы сразу догадаться, что именно он видел во сне.

А во сне он снова метался на своей цепи. Его челюсти стучали, точно стальные кастаньеты, и именно этот звук и разбудил его. Он вскочил на ноги ошетинил спину, точно щетку, и его обнаженные клыки ошетинились, точно ножи из слоновой кости. И он пробудился как раз вовремя. В палатке началось движение. Проснулся его хозяин, и если он сейчас не убежит, то...

Он тотчас же забился в самую гущу еловых ветвей и стал выжидать там, прижавшись к земле и скрытый от взоров, высунув из-под дерева одну только голову. Он знал, что его хозяин не пощадит его. Торп уже раз побил его за то, что он бросился на Мак-Криди, и только вмешательство молодой женщины спасло его от дальнейшего наказания. А теперь он, Казан, перегрыз этому Мак-Криди горло. Он лишил его жизни, и хозяин не простит ему этого ни за что. Даже сама женщина теперь уже не заступится за него.

Казану было досадно, что возвратился его хозяин, такой жалкий и весь в крови, после того, как он перегрыз горло Мак-Криди. Тогда бы Казан остался при этой женщине навсегда. Она любила бы его. Она ведь и так любила его. И он всюду следовал бы за ней, защищал бы

ее всегда, и если бы понадобилось, то и отдал бы за нее жизнь. Но Торп возвратился из лесу, и теперь Казану нужно как можно скорее спасти свою шкуру, потому что Торп приготовит для него то же, что и остальные люди в подобных же случаях, то есть дубину, плеть и ту странную вещь, которая изрыгает огонь и убивает. И теперь...

Торп вышел из палатки. Занималась заря, и в руке у него было ружье. Через минуту вышла и женщина, и ее удивительные волосы все еще развевались вокруг нее; она взялась за руку мужа. Он посмотрел на тело, покрытое войлоком. Затем она что-то сказала Торпу, и он вдруг выпрямился и закинул голову назад.

– Казан, Казан, Казан! – стал он звать.

Дрожь пробежала по телу Казана. Значит, хозяин хотел его обмануть! Ведь в руке у него была вещь, которая убивает!

– Казан, Казан, Казан! – закричал он опять.

Казан осторожно попятился от дерева назад. Он знал, что для той холодной вещи, которую держал в руках Торп и которая влекла за собою смерть, расстояния не существовало. Но тем не менее он обернулся, тихо поскулил, и в его красных глазах, когда он увидел в последний раз молодую женщину, засветилась настоящая скорбь.

Он знал, что теперь ему придется расстаться с нею навсегда, и в его сердце появилась боль, какой он не испытывал еще ни разу в жизни, боль не от дубины и не от плети, и не от холода и голода, но от чего-то гораздо большего, чем все это, вместе взятое, что вдруг наполнило всего его желанием задрать кверху голову и перед этим серым, бездонным небом выплакать свое одиночество.

– Он убежал! – услышал он донесшийся до него со стоянки дрогнувший голос молодой женщины.

И строгий голос хозяина тоже дрогнул:

– Да, он удрал. Он знал все, а я вот не догадывался ни о чем. Я отдал бы год своей жизни, чтобы только не случилось того, что я вчера его отстегал. Теперь уж он не вернется назад.

Изабелла крепко прижалась к плечу мужа.

– Нет, он прибежит, – сказала она. – Он не бросит меня. Он привязался ко мне, даже несмотря на свои дикость и злость. И он знает, что я люблю его. Он вернется...

– Но слушай!..

Из глубины леса до них вдруг донесся протяжный, жалобный вой, точно там кто-то горько на что-то жаловался. Это был прощальный привет Казана молодой женщине.

После этого воя Казан еще долгое время просидел на задних лапах, внюхиваясь в новый для него свободный воздух и вглядываясь в зиявшие вокруг него черные глубины леса, постепенно бледневшие перед рассветом. Иногда и раньше, с тех самых пор, как его купили когда-то промышленники и стали запрягать его в сани и гонять вдоль реки Мекензи, он часто мучительно думал об этой свободе, так как говорившая в нем волчья кровь не давала ему покоя. Но он никогда раньше не решался на это. Это удалось ему только теперь. Здесь уже не будет больше ни дубины, ни плетей, ни этих зверей в образе человека, которых он научился ненавидеть с первой же минуты и которым никогда не доверял. Эта четверть струившейся в его жилах крови, которую он унаследовал от волка, была его несчастьем; и удары дубиной вместо того, чтобы подавить в нем его дикость, только еще больше ее в нем усугубляли. Люди были его самыми злейшими врагами. Люди били его и, в конце концов, добились бы его до смерти. Они называли его злым, сторонились его и никогда не упускали случая, чтобы не вытянуть его плетью по спине. Все его тело было в рубцах от их побоев.

Он никогда не видал ни ласки, ни любви до той самой поры, когда в тот вечер в городе к нему вдруг подошла та молодая женщина и положила ему на голову свою теплую маленькую руку и так близко придвинула к его пасти свое лицо, тогда как Торп, ее муж, вскрикнул от ужаса. Он уже готов был вонзить в ее белое тело свои клыки, но в один момент ее ласковое

прикосновение и нежный голос вдруг пробудили в нем тот удивительный трепет, в котором он узнал в себе впервые природную нежность. И вот человек же отогнал его от нее, прочь от этой руки, которая никогда не угрожала ему ни дубиной, ни плетью, и, уходя постепенно все глубже и глубже в лес, он злобно ворчал на людей.

Когда наступил день, то он добрался до края болота. Все время он испытывал какое-то странное беспокойство, и дневной свет не мог рассеять его. Как бы то ни было, но он был теперь свободен от людей. Как ни старался, но он не мог открыть в воздухе следов их ненавистного присутствия. Не чуял он в нем и присутствия других собак, саней, костров проводников и съестных припасов, хотя все это, насколько он мог припомнить, всегда составляло для него главную суть его жизни.

Здесь было вполне спокойно. Болото находилось внизу между двух гряд скалистых холмов и все сплошь поросло низенькими и густыми елками и кедрами, такими густыми, что под ними даже вовсе почти не было снега и день казался сумерками. Потерю двух вещей он стал сразу же ощущать в себе сильнее, чем что-либо другое, а именно отсутствие пищи и компании. Сразу оба – и волк и собака – требовали в нем первого, а одна собака – второго. Но на оба эти желания ответила именно его волчья кровь, которая была в нем все-таки сильнее, чем собачья. Она подсказала ему, что где-то в этом же самом молчаливом месте между этих двух гряд холмов обязательно должен был найтись товарищ и что стоило бы только сесть на задние лапы и завывать о своем одиночестве, как он тотчас же подал бы свой голос. И несколько раз в глубине груди Казана что-то вдруг начинало дрожать, переливалось в горло и заканчивалось в нем воплем. Это был волчий вой, но все-таки не совсем настоящий.

С пищей дело обошлось гораздо проще, чем с голосом. Уже к полудню Казану удалось загнать зайца в бурелом и загрызть его. Теплое мясо и кровь оказались гораздо вкуснее, чем мерзлая рыба и отруби с салом, и праздник, который он задал себе, вселил в него уверенность. В тот же день он выгнал еще множество зайцев и двух из них загрыз. До сих пор он еще ни разу не испытывал наслаждения от охоты и убийства по своей собственной воле. Даже и в тех случаях, когда убивал и не ел.

Но с зайцами у него не было никакой борьбы. Все они так легко испускали дух! Их было очень приятно кушать, когда чувствовался голод, но самый настоящий трепет от убийства он почувствовал только лишь спустя некоторое время. Теперь уж ему не нужно было действовать исподтишка и прятаться. Он шел, высоко поднимая голову. Спина у него ошетилилась. Хвост был пушистый и вертелся свободно, как у волка. Каждый волосок на теле излучал из себя электрическую энергию жизни и деятельности. Он шел на северо-запад. Его звал к себе голос его ранних дней, когда еще он не бегал вдоль Мекензи. Река Мекензи находилась теперь на тысячу миль в стороне.

В этот день он держался многих следов на снегу и чуял обонянием запахи, оставленные копытами лосей и оленей и поросшими шерстью лапами рыси. Он выследил лисицу, и ее след привел его к месту, совершенно скрытому за высокими елями, на котором весь снег был утоптан и виднелись алые пятна крови. Здесь оказались голова совы, перья, крылья и кишки, и он понял, что кроме него здесь был еще и кто-то другой.

К вечеру он набрел на следы, очень походившие на его собственные. Они были еще совсем свежи, от них шел еще теплый запах, и это заставляло его скулить и возбуждало в нем желание снова сесть на задние лапы и завывать, как волк. Это желание почти совсем овладело им, когда в лесу сгустились ночные тени. Он находился в пути целый день и все-таки несколько не устал. В этой ночи было для него что-то такое, что как-то странно веселило его, хотя о людях он больше и не думал. Волчья кровь стала циркулировать в нем все быстрее и быстрее. Ночь была ясная. На небе высыпали звезды. Взошла луна. Наконец, он сел на снег, направил голову прямо на самые вершины елей, и из него вдруг вырвался волк в протяжном, жалобном вое, который нарушил ночную тишину на пространстве целых миль вокруг.

Долго он сидел так и после каждого своего воя прислушивался. Наконец-то он нашел в себе этот голос, голос с совершенно новой для него, странной нотой, – и в этом он почувствовал для себя еще большую уверенность. Он ожидал ответа, но его не последовало. Тогда он отправился далее, прямо против ветра, и когда вдруг завыл опять, то громадный лось вдруг с шумом выбежал перед ним из-за кустов, и его рога застучали по стволам деревьев так, точно по ним ударяли березовой дубинкой, когда он старался увеличить как можно скорее пространство между собой и этим воем Казана.

Два раза выл Казан, прежде чем отправиться далее, и всякий раз испытывал радость, что эта новая нота удавалась ему все больше и больше. Затем он добрался до подошвы каменистой гряды и выбрался из болота на самую ее вершину. Здесь звезды и луна стали к нему поближе, и с противоположной стороны этого кряжа он увидел широкую, ровную долину с замерзшим озером, блиставшим своей поверхностью на лунном свете, и с белой рекой, тянувшейся из него прямо в лес, который уже не был таким черным и таким густым, как на болоте.

И в эту минуту в нем напрягся каждый его мускул и по всем членам его горячим потоком разлилась кровь. Далеко на этой равнине вдруг послышался крик, и это был его собственный крик – вой волка. Его челюсти защелкали. Белые клыки его сверкнули, и он зарычал низким горловым воем. Ему хотелось ответить на этот призыв, но какой-то странный инстинкт сдерживал его. Этот инстинкт был в нем уже от дикого зверя и уже властвовал над ним целиком. В воздухе, в шепоте верхушек хвойных деревьев, в самих звездах и луне для него уже заключался какой-то голос, который говорил ему, что этот голос волка, который теперь доносился до него, не был призывом волка.

Часом позже до него опять долетел вой, на этот раз ясный и отчетливый, тот же самый жалобный вой, вначале и под конец завершавшийся быстрым стаккато, острым, резким лаем, от которого приходила в бешеное возбуждение его кровь, чего он не испытывал еще ни разу в жизни. Тот же самый инстинкт на этот раз подсказал ему, что это был уже действительно призыв – воинственный клич, и побуждал его бежать туда скорее. Несколькими минутами позже призыв раздался снова, и вслед затем послышались на него два ответа: один – совсем вблизи, у самой подошвы кряжа, а другой откуда-то издалека, так что Казан едва смог его различить. Это собиралась стая для ночного набега; но Казан все еще сидел спокойно и весь дрожал.

Он не боялся, но не ощущал в себе решимости идти. Казалось, что этот черный кряж отделял его от внешнего мира. По ту сторону его все казалось ему новым и странным и сулило отсутствие людей. А по эту – его все еще тянуло что-то назад, и вдруг он повернул голову, всмотрелся в расстилавшееся позади него пространство, освещенное луной, и заскулил. Это в нем заговорила собака. Ведь там, позади, осталась женщина! Он мог бы услышать ее голос! Он мог бы опять почувствовать на своей голове нежное прикосновение ее руки. Он мог бы увидеть улыбку на ее лице и в глазах, услышать ее смех, который так согревал его и делал счастливым! Через горы и доли, поля и леса она звала его к себе, и он балансировал между желанием ответить ей на этот призыв и между непреодолимой тягой, влекшей его к волкам в долину. Но ему представились вдруг люди, которые уже готовили для него дубины, он уже услышал издали щелканье плетью и почувствовал на себе их острые удары.

И еще долгое время он простоял на самом гребне кряжа, разделявшего его мир на две половины. А затем наконец решился и стал спускаться в долину.

Всю ночь он продержался вблизи стаи волков, но все-таки не решился к ним присоединиться. И это было счастьем для него.

Из его шерсти еще не выдохся запах упряжи и человека, волки могли бы растерзать его на куски. Инстинкт дикого зверя прежде всего выражается в самозащите. Возможно, что благодаря именно ему, этому далекому, вековому голосу, говорившему в Казане еще со времен дикого состояния его предков, он стал кататься по снегу всем телом и именно теми местами,

где лежала на нем упряжь, и именно по тем местам, где было наибольшее количество следов от ног стаи волков.

В эту ночь стая затравила оленя на берегу озера и справляла по нем тризну почти до рассвета. Казан держался против ветра. Запах крови и теплого мяса щекотал его ноздри, и его острый слух схватывал трещание обглаживаемых костей. Но инстинкт оказался сильнее, чем искушение.

Уже рассвело, когда стая рассеялась вдоль и поперек всей равнины, и только тогда он смело отправился к месту гибели оленя. Он не нашел там ничего, кроме круглого пространства снега, испачканного кровью, покрытого костями и внутренностями и ключьями заостреннейшей от ночного мороза шкуры. Но и этого с него было достаточно, и он стал кататься по этим останкам, засовывая свой нос во все, что осталось от тризны, и провел здесь целый день, все время напиваясь запахом оленины.

В следующую ночь, когда опять взошла луна и засверкали звезды, Казан уже не сидел в сторонке в страхе и нерешительности, а прямо представился своим новым товарищам, уже бежавшим целой стаей по равнине.

Стая опять охотилась всю ночь, а может быть, это была уже и совсем другая стая, которая целые мили пробежала к югу, гоня перед собою самку северного оленя к большому замерзшему озеру. Ночь была ясна, почти как день, и с опушки леса Казан увидел сперва эту самку, бежавшую по озеру в трети мили от него. Стая состояла из дюжины рослых волков и уже образовала из себя фатальную подкову, причем два вожака бежали бок о бок с намеченной жертвой и уже готовы были сомкнуть края этой подковы.

С радостным лаем Казан выскочил на лунный свет. Он бросился прямо наперерез к бежавшей самке оленя и с невероятной быстротой стал ее догонять. Она увидела его за двести ярдов от себя и свернула вправо, но здесь натолкнулась на вожака, уже оскалившего на нее свои зубы. Казан присоединился ко второму вожаку и ухватил самку за мягкое горло. Вывшей массой на нее навалилась сзади вся стая, и она упала на снег, придавив собою Казана, который вцепился ей клыками глубоко в шею. Она прижала его своей тяжестью к земле, но он не разжимал своей пасти. Это была его первая крупная жертва. Кровь клокотала в нем, как огонь. Он ворчал, не разжимая сжатых зубов.

Он не вылезал из-под своей жертвы до тех пор, пока в ее теле не прекратилась последняя судорога. В этот день он уже загрыз зайца и потому не был голоден. Поэтому, высвободившись, он сел в сторонке на снег и стал ожидать, пока голодная стая, точно вороны, не покончили наконец с мертвой самкой. Немного погодя он подошел поближе, обнюхался с двумя волками и был искусан за непрошеное вмешательство.

Когда Казан побрел уже назад, все еще не решившись присоединиться к своим диким братьям, то большой серый волк, отделился от стаи и схватил его прямо за горло. Казан едва успел вовремя отразить атаку, и затем оба они сцепились вместе и стали кататься взад и вперед по снегу. Они вскочили на ноги не раньше, чем возбуждение от неожиданной драки могло отвлечь стаю от пиршества. Не спеша все волки окружили со всех сторон обоих бойцов, оскалили свои белые клыки и оцетинили свои спины, ставшие похожими на щетки. Роковое кольцо из волков тесно сомкнулось вокруг дуэлянтов.

Это не было новостью для Казана. Уже столько раз он и сам сидел в таких же кольцах, ожидая конечного результата драки! Не один раз он так же сражался и за свою собственную жизнь внутри таких же колец. Точно так же обыкновенно дрались и ездовые собаки. Если не вмешивался в такие драки человек со своими плетью и дубиной, то они всегда кончались смертью. Только один из соперников оставался в живых. А иногда погибали и оба. Но здесь человека уже не было – здесь был один только кордон из ожидавших зубастых демонов, готовых немедленно же броситься и растерзать на куски первого из дравшихся, который только хоть случайно упадет во время драки на бок или на спину. Казан был здесь чужой, но вовсе не

боялся тех, кто его так тесно окружал. Великий закон стаи все-таки заставлял волков быть беспристрастными.

Казан смотрел только на одного большого серого волка, который затеял с ним единоборство. Плечом к плечу они продолжали ходить кружком. Там, где за две-три минуты перед этим раздавалось щелканье зубами и раздирание друг на друга тела, теперь было мертвое молчание. Слабые физически и горластые южные собаки уже давно выли бы и рычали, но Казан и волк хранили молчание, держали уши направленными вперед, а не кзади, и помахивали пушистыми хвостами.

Как вдруг с быстротою молнии волк налетел на Казана, и их челюсти сцепились, точно сталь, врезавшаяся в сталь. Они уступали один другому только разве на один какой-нибудь дюйм. В эту самую минуту Казан извернулся в сторону и, точно нож, вонзил свои зубы волку в бок.

Они снова закружились, глаза их покраснели еще более, губы оттянулись назад до последней возможности, точно их вовсе у них и не существовало. Затем Казан сделал прыжок, чтобы вцепиться врагу в глотку и придушить его насмерть, но промахнулся. Всего только на один дюйм. Волк отошел назад, как сделал это и ранее, предоставив ему свой бок, из которого теперь кровь струилась по ноге и окрашивала снег. Зиявшая на боку рана показала Казану, что его соперник был старый, опытный боец. Казан пригнулся к земле, вытянул голову вперед и прижался горлом к снегу. Это было уловкой, и Казан знал ее еще с детского возраста – именно уберечь свое горло и выждать подходящий момент.

Два раза волк обошел вокруг него, и Казан медленно повернулся вокруг себя, как на оси. Глаза у него были полузакрыты. Во второй раз волк бросился на него, и Казан ответил ему своими страшными челюстями, вполне уверенный, что нанес ему спереди верный удар прямо по передним ногам. Но его зубы сомкнулись в пустом пространстве. С увертливостью кошки волк перепрыгнул через его спину.

Уловка не удалась, и с чисто уже собачьим воем Казан сделал нападение на волка единым прыжком. Они сошлись грудь с грудью. Клыки их застучали, и всю тяжестью своего тела Казан вдруг повалился на плечи волка, разжал челюсти и снова сделал попытку схватить его за глотку. Но опять промахнулся – всего только на какой-нибудь один волосок, и, прежде чем успел исправить свою ошибку, зубы волка уже вонзились ему в затылок.

В первый раз в жизни Казан ощутил ужас от боли, причиненной этой мертвой хваткой, и с громадным усилием вытянул голову несколько вперед и слепо бросился в нападение. Его сильные челюсти ухватили волка за переднюю лапу около тела. Послышались треск кости и вой от боли, и хоровод ожидавших волков вокруг насторожился и напряг все свое внимание. Тот или другой из бойцов в конце концов должен был свалиться, как только закончится эта схватка, и волки только и ожидали того рокового момента, когда это падение действительно совершится, чтобы броситься на пострадавшего и загрызть его насмерть.

Только густота шерсти и толщина кожи на затылке у Казана и крепость его мускулов и спасли его от ужасной судьбы побежденного. Зубы волка проникли в него глубоко, но не настолько, чтобы захватить жизненные узлы, и Казан моментально до последней капли собрал все свои силы, напрягся всеми членами и рванулся из-под своего противника. Хватка разжалась, и со следующим прыжком Казан оказался уже на свободе.

С быстротою взвившейся в воздухе плети он набросился на уже трехногого вожака стаи и нанес ему со своего размаха всей тяжестью своих плеч удар прямо в бок. Теперь это был уже смертоносный удар. Большой серый волк свалился с ног, в тот же момент повернулся на спину, и вся стая бросилась на него, чтобы вырвать из своего обессиленного вожака последние остатки жизни.

Задыхаясь и весь в крови, Казан высвободился из этой серой, завывавшей, кровожадной массы. Он ослабел. Какая-то странная боль вдруг появилась у него в голове. Ему захотелось

растянуться тут же на снегу. Но старый и непогрешимый инстинкт предостерег его и на этот раз, чтобы он не выказал своей слабости. От стаи отделилась худенькая, гибкая серая волчица, подошла к нему и легла перед ним на снегу; а затем вдруг вскочила на ноги и стала обнюхивать его раны.

Она была молода, сильна и красива, но Казан даже и не взглянул на нее. Он старался увидеть, что осталось от старого вожака на том месте, где только что происходила борьба. Стая уже возвратилась обратно к тризне над оленем. До него опять донесся звук обглаживаемых костей и отдиранья от них мяса, и что-то подсказало ему, что с этих пор все дикие звери уже будут прислушиваться к его голосу и признавать его и что теперь, когда он сядет на задние лапы и начнет выть на луну и на звезды, то на этот его вой уже отзовутся все эти быстроногие хищники со всей этой широкой долины. Он два раза обошел вокруг оленя и стаи волков и затем удалился к опушке темного елового леса.

Дойдя до тени, он оглянулся назад. Серая волчица следовала за ним. Между им и ею было всего только несколько аршин. И теперь она все-таки подходила к нему, немного боязливо, и тоже оглядывалась назад на темную копошившуюся массу живых существ на льду озера. И когда она подошла к Казану уже совсем вплотную, то он ощутил что-то в воздухе, что не было запахом ни крови, ни травы, ни хвои. Это было что-то такое, что казалось ему исходившим прямо от этих звезд, от ясной луны, от странного и в то же время прекрасного покоя самой ночи. Частью этого чего-то, как ему показалось, была именно эта Серая волчица.

Он поглядел на нее и заметил, что она смотрела на него с интересом и вопросительно. Она была молода, так еще молода, что, казалось, только еще недавно была щенком. Она заскулила под взглядом его красных, светившихся глаз, но этот ее визг уже не был в ней детским. Казан подошел к ней, положил голову на спину и стал смотреть через нее на стаю. Он чувствовал, как она дрожала. Потом он опять поглядел на луну и на звезды, и тайна ночи и Серой волчицы стала волновать ему кровь.

Он не так уж много времени провел оседло на Постах. Большая часть его протекла в упряжи, в пути, в постоянных поездках с места на место, и брачный сезон всегда проходил как-то мимо него, вдалеке. Но теперь супружество было близко к нему. Серая волчица подняла голову. Ее мягкая морда коснулась его раны на затылке, и от этого ласкового прикосновения, в этом ее низком ворчании Казан почувствовал и услышал снова то удивительное нечто, что приходило к нему вместе с лаской от руки женщины и вместе со звуками ее голоса.

Он повернулся, заскулил, ошетинил спину, поднял высоко голову и с вызовом оглядел окружающую его обстановку. Серая волчица побежала с ним бок о бок, и они исчезли во мраке леса.

Глава V. Люди!!

В эту ночь они нашли для себя убежище в густом можжевельнике, и когда улеглись на мягком ковре из хвойных иголок, который оставался незасыпанным снегом, то Серая волчица тесно прижалась к Казану своим теплым телом и сталализывать ему раны. День начался бархатным снегопадом, снег был такой белый и такой густой, что они не могли видеть перед собой и на десять прыжков. Было совсем тепло и так тихо, что весь мир казался им состоявшимся из одного только движения; и шороха падавших снежинок. Весь этот день Казан и Серая волчица бегали вместе, бок о бок. Он то и дело оборачивал голову, чтобы поглядеть по ту сторону кряжа, откуда он сюда пришел, и Серая волчица никак не могла понять странной нотки, трепетавшей у него при этом в горле.

В полдень они побежали к тому месту, где лежали останки оленя на озере. На опушке леса Серая волчица выказала нерешительность. Она еще ровно ничего не знала об отравленных приманках, ловушках и западнях, но живший в ней инстинкт бесчисленных поколений подсказал ей, что посещать во второй раз окоченевшую, мертвую добычу было опасно.

Казан видел, как его прежние хозяева обрабатывали остовы добыч, оставленных волками. Он не раз был свидетелем, как они хитро скрывали в них капканы и вкладывали в жирные внутренности капсулы со стрихнином, а однажды он даже и сам нечаянно попался передней ногой в капкан и испытал на себе всю острую боль от мертвой хватки пружины. Но он все-таки не боялся так, как Серая волчица. Он настаивал на том, чтобы она сопровождала его до белых холмиков на льду, и в конце концов она все-таки пошла за ним и с беспокойством села на задние лапы, в то время как он стал выкапывать из-под снега кости и куски мяса, которые еще не успели за ночь замерзнуть благодаря снеговому покрову. Но она не ела, и Казан сел наконец рядом с ней и стал вместе с нею смотреть на то, что ему удалось откопать из-под снега. Затем он стал нюхать воздух. Он не ощутил в нем никакой опасности, но Серая волчица внушила ему, что опасность все-таки была.

И много кое-чего другого она внушала ему в последовавшие затем дни и ночи. В третью ночь Казан сам собрал около себя стаю волков и повел ее на охоту. Три раза в этом месяце, прежде чем луна окончательно не пошла на ущерб, он руководил набегами, и каждый раз дело не обходилось без добычи. Но когда снег стал очень глубоким и рыхлым, то он находил все большее и большее удовлетворение в обществе одной только Серой волчицы, и они уже охотились только вдвоем, питаясь исключительно только одними зайцами. Во всем белом свете Казан любил только двоих: молодую женщину со светлыми волосами и руками, которые его ласкали, и вот эту самую Серую волчицу.

Он не покидал равнины совсем и часто проводил свою подругу на самую вершину кряжа, точно пытаясь ей рассказать, кого именно он оставил по ту его сторону. А в темные ночи призыв женщины становился для него настолько властным, что им овладевало страстное желание бежать к ней и захватить с собой и Серую волчицу.

Очень скоро после этого случилось нечто совсем уж странное. Однажды они перебежали через равнину, когда невдалеке от этого кряжа Казан вдруг заметил то, что так сильно заставило забиться его сердце. В их мир вторгся человек, ехавший на санях, запряженных собаками. Противный ветер не предостерег своевременно Казана и Серую волчицу, и Казан увидел в руках этого человека нечто блестящее. Он знал, что это такое. Это было вещью, изрыгавшею огонь, гром и смерть.

Он предостерег Серую волчицу, и они, как ветер, бок о бок помчались прочь. Тогда последовал звук – и вся ненависть Казан к людям в эту минуту, пока он бежал, выразилась в злобном рычании. Над их головами что-то прожужжало. Звук снова повторился, и на этот раз Серая волчица взвизгнула от боли и несколько раз перевернулась на спину вокруг самой себя.

Но тотчас же она и вскочила на ноги, и Казан побежал уже позади нее и так и защищал ее собою вплоть до того самого места, где они нашли для себя убежище. Здесь Серая волчица повалилась и стала лизать свою рану на плече. Казан смотрел на горный кряж. Человек направлял своих собак именно туда. Он остановился около того места, где упала Серая волчица, и стал осматривать снег. Затем поехал далее. Казан узнал в нем Торпа. С Торпом ехала его жена.

Казан приказал Серой волчице встать на ноги, и они отправились в болотные заросли недалеко от озера. Весь этот день они держались против ветра, и когда Серая волчица сваливалась и должна была полежать, то Казан выходил на осмотр следов, оставленных самим человеком, вглядывался и нюхал воздух.

Несколько дней спустя Серая волчица уже бегала, прихрамывая, и когда они однажды набрали на остатки от человеческой стоянки, то, почуяв запах, оставшийся от Торпа и его жены, Казан уже в ненависти оскалил зубы и заворчал. С каждой минутой в нем вдруг стала расти жажда мести, мести за свои собственные страдания и за рану Серой волчицы. Он попробовал было обнюхать самый след от человека, оставленный его санями и теперь покрытый снегом, и Серая волчица кружилась около него с беспокойством и старалась как-нибудь заманить его поглубже в лес. Наконец, он угрюмо за ней последовал. В его красных глазах светилась дикая злоба.

Через три дня появилась на небе молодая луна. А на пятую ночь Казан нарвался на новый след. След этот оказался настолько свежим, что он, пробегая мимо, вдруг остановился так быстро, точно его поразила пуля, и долго простоял, напрягши все свои мускулы и ошестинив дыбом шерсть. Это был след, оставленный человеком. На снегу видны были отпечатки полозьев, собачьих ног и лыж его врага.

Тогда он задрал голову к звездам, и из его горла потянулся по всей равнине призывный вой – дикий, неистовый призыв к сбору. Никогда еще в этой равнине не раздавалось более злобного воя, как в эту ночь. Все вновь и вновь он посылал к небу вопль и вслед за тем то оттуда, то отсюда, еще и еще, стали присылать свои ответы и другие волки, пока наконец и сама Серая волчица не села рядом с Казаном и не стала ему вторить; далеко-далеко по равнине седой, с угрюмым выражением лица человек едва стал сдерживать своих собак, и слабый голос с саней говорил ему:

– Это волки, папа! Кажется, они гонятся за нами?

Человек не ответил. Он был уже немолод. Луна освещала его длинную, седую бороду и придавала его худощавой фигуре более роста, чем он имел. Молодая женщина подняла голову с медвежьей шкуры, разостланной на санях. В ее глазах отражались звезды. Она была бледна. Ее волосы густыми блестящими локонами падали ей на плечи, и она что-то крепко прижимала к своей груди.

– Они кого-то гонят, – ответил мужчина, осматривая казенную часть своего ружья, – должно быть, оленя. Не волнуйся, Иоанна. Сейчас мы остановимся в ближайших кустах и посмотрим, не найдется ли у нас порошу посуше. Эх, вы!.. Милые!.. Вперед! Живо!

И он щелкнул плетью над спинами собак.

Из свертка, который молодая женщина держала у груди, послышался слабый, детский плач. И далеко позади на него ответили со всех сторон голоса собиравшейся стаи.

Наконец-то Казан теперь отомстит! Он не спеша отправился в путь, имея все время Серую волчицу рядом с собой, и останавливался каждые триста или четыреста ярдов, чтобы лишний раз послать призывный клич. Какая-то серая фигура наконец присоединилась к ним из темноты. Затем другая. Еще две выскочили откуда-то сбоку, и вместо одного голоса Казана завывло их несколько. Число волков все росло и росло, и по мере того, как их становилось все больше и больше, они и бежали все скорее и скорее. Четыре – шесть – семь – десять – четырнадцать...

Собралась целая стая, все матерые, со старыми, смелыми жожаками. Серая волчица была среди них самой юной и потому все время держалась около Казана. Она ничего не могла понять, что означали эти его пылавшие, красные глаза и щелкавшие зубы, и даже если бы и поняла, то все-таки не сообразила бы ничего. Но она чувствовала, и ее тоже приводила в волнение эта вдруг вспыхнувшая в Казане страшная и таинственная жестокость, которая заставила его забыть обо всем, кроме предстоявшего нападения и желания загрызть до смерти.

Стая не подала больше ни звука. Слышны были только тяжкое дыхание и топот множества ног. Волки бежали быстро и тесно. Казан шел во главе. За ним, у него плеча, следовала Серая волчица.

Никогда еще Казан не испытывал такой жажды убийства, как теперь. В первый раз в жизни он сейчас не боялся человека и не испытывал страха перед дубиной, плетью и даже перед той вещью, которая несла с собой огонь и смерть. Он стал бежать еще быстрее, чтобы догнать наконец путников и вступить с ними в борьбу как можно скорее. Все безумие его четырехгодичного рабства у людей и все полученные от их рук обиды жгучим огнем текли теперь по его жилам, и когда наконец он увидел вдалеке перед собою двигавшуюся группу, то из его груди вырвался крик, которого Серая волчица все-таки не поняла.

В трехстах ярдах от этой двигавшейся группы тянулась опушка леса, и вот к ней-то и побежали Казан и его товарищи. На полпути к лесу они уже почти настигли ее, и вдруг она остановилась, и на снегу отделилась темная неподвижная тень. От нее прыснул огненный язык, которого всегда так боялся Казан, и как раз над своей головой он услышал прожужжавшую мимо пчелу смерти. Но теперь он не обратил на это внимания. Он резко залаял, и волки помчались за ним, пока наконец четверо из них не отделились от стаи и не присоединились к нему вплотную.

Второй выстрел – и на этот раз пчела смерти пронизала от груди и до самого хвоста громадного серого зверя, бежавшего рядом с Серой волчицей. Третий, четвертый, пятый огни от этой темной тени – и Казан сам вдруг почувствовал, как что-то острое, горячее, точно раскаленное железо, скользнуло вдоль его плеча, обожгло его и сбрило на теле шерсть.

От ружейных выстрелов повалились три волка из стаи, а половина всех других рассыпалась вправо и влево; но Казан все-таки несся сломя голову вперед. Серая волчица преданно, не рассуждая, следовала рядом с ним.

Ездовые собаки были спущены человеком на свободу, и прежде, чем Казан мог добраться до самого человека, которого он теперь видел уже ясно, державшим ружье наперевес наподобие дубины, Казан должен был вступить в борьбу еще и с ними. Он сражался с ними, как дьявол. Двое волков бросились вперед, и Казан услышал страшный, отдавшийся где-то позади выстрел. Для него ружье представлялось дубиной, и он хотел ухватиться за него зубами. Он хотел добраться до человека, который держал это ружье, и, высвободившись от напавших на него собак, он ринулся к саням. В первую же минуту он увидел, что на них находилось человеческое существо, и бросился на него. Он глубоко зарыл в него свою пасть. Она наткнулась на что-то мягкое и волосатое. И вдруг послышался голос! Это был ее голос! Каждый мускул в его теле вдруг остановился. Казан остолбенел и превратился в камень.

Ее голос! Медвежья шкура сползла назад, и то, что находилось под ней, он увидел теперь ясно при свете луны и звезд.

Инстинкт заработал в нем гораздо быстрее, чем в человеческом мозгу его разум. Это оказалась не она. Но голос был тот же самый, и белое девичье лицо, в которое он уставился своими красными, налитыми кровью глазами, содержало в себе ту же самую тайну, которую он уже привык так любить. И он увидел теперь и то, что она держала у груди и из чего вылетал этот странный, пронзительный крик, и понял, что здесь, на этих санях, он не нашел уже ни врага, ни смерти и что на него вдруг пахнуло сразу тем миром, который он оставил по ту сторону гряды холмов.

С быстротою молнии он бросился назад. Он так толкнул в бок Серую волчицу, что она с испуганным визгом отскочила в сторону. Это случилось в какой-нибудь один момент, но человек уже почти совсем потерял свои силы. Казан проскочил под его поднятым кверху, как дубина, ружьем и сам бросился на волков, уцелевших от стаи. Его клыки действовали, как ножи. Если он сражался с собаками, как демон, то теперь вел себя с волками, как десять демонов сразу; и человек, весь в крови и еле держась на ногах, заковылял к саням, полный удивления от того, что стало затем происходить. А в Серой волчице вдруг пробудился инстинкт товарищества, и, видя, как Казан рвал на части и кусал волков, она присоединилась к нему и сама и, ровно ничего не понимая, стала помогать ему в его борьбе.

Когда все закончилось, Казан и Серая волчица оказались на всей равнине одни. Остатки от стаи утонули во мраке ночи, и те же самые луна и звезды, которые помогли Казану впервые сознать в себе свое право, принадлежавшее ему со дня его рождения, теперь внушили ему, что с этих пор, когда он опять завоет к небу, его дикие собратья уже больше не откликнутся ему из глубины долины.

Он был ранен. И Серая волчица тоже была ранена, но не так тяжело, как Казан. Он был весь искусан и истекал кровью. Одна из его лап жестоко пострадала. Через несколько времени он увидел в лесу огонь. Старый призыв вдруг опять овладел им. Ему вдруг захотелось подползти к костру и почувствовать на своей голове руку молодой женщины, как он чувствовал на себе руку той другой, по ту сторону гребня. И он пошел бы туда и заставил бы идти туда и Серую волчицу, но там был мужчина. Он заскулил, и Серая волчица положила ему на затылок свою теплую морду. Что-то подсказало им обоим, что они – отверженцы, что эта долина, луна и звезды тоже теперь стали против них, и они, поджав хвосты, виновато отправились в лес искать себе убежища.

Казан не мог далеко идти. Улегшись, он все еще чувствовал запах человеческого лагеря. Серая волчица прижалась к нему. Мягким языком она стала ласковолизывать Казану раны. А Казан, подняв кверху голову, стал выть на звезды.

Глава VI. Казан встречается с Иоанной

У опушки кедрового и елового леса Пьер Радисон развел огонь. Он был весь в крови от нескольких ран, полученных им от волков, которым удалось ухватиться за него зубами, и чувствовал в груди ту старую, тяжкую боль, значение которой он знал только сам. Он привлекал ветку за веткой, бросал их в огонь, пока наконец пламя не стало достигать до хвой деревьев, и сделал еще запас и на всю ночь, чтобы дрова находились под рукой.

С саней за ним наблюдала Иоанна, все еще смотря большими глазами от страха и все еще дрожа. Она прижимала к себе ребенка. Ее длинные, тяжелые волосы покрывали в темноте ее шею и плечи и при свете костра, когда она двигалась, казались роскошным, отливавшим блестками покрывалом. Ее молодое лицо в эту ночь казалось почти девичьим, хотя она и была уже матерью. Она сама походила на дитя.

Старый Пьер, ее отец, сбросив последнюю охапку хвороста и еле переходя дыхание, старался засмеяться.

– Теперь уже все, *ma chérie!* сказала он себе в седую бороду. – Там, на равнине, мы чуть было не погибли. Надеюсь, что с нами этого уже не повторится. Но теперь мы устроимся отлично, и у нас будет тепло. Ну, как? Ты уже больше не боишься?

Он сел рядом с дочерью и ласково стащил мягкий мех, в который был закутан ребенок, которого она держала на руках. Теперь он мог видеть розовые щечки маленькой Иоанны. Глаза большой Иоанны, ее матери, засветились, как звезды.

– Это ребенок нас спас, – прошептала она. – Собаки были разорваны волками в клочья, и я увидела, как они бросились затем на тебя, когда один из них вдруг кинулся к саням. Сперва я думала, что это одна из наших собак. Но это оказался волк. Он прыгнул прямо на нас, но нас защитила медвежья шкура. Он чуть-чуть не вцепился мне в горло, но в эту минуту закричал вдруг ребеночек, и он остановился как вкопанный всего только в одном футае от нас и стал смотреть на нас красными глазами. Я могла бы поклясться еще раз, что это была собака. В одну минуту он отскочил от нас и уже стал драться с волками. Я видела, как он бросился на одного, который уже готовился схватить тебя за горло.

– Это действительно была собака, – ответил старый Пьер, протягивая руки поближе к огню. – Они часто удирают с постов и присоединяются к волкам. Я знаю такие случаи. Моя дорогая, собака – всегда собака, всю свою жизнь. Удары, обиды, даже сами волки – никогда не бывают в состоянии изменить их надолго. Это была в стае одна из таких собак. Она прибежала сюда вместе с ними – захотелось отведать крови. Но, встретившись с нами...

– И она вступила в борьбу с волками за нас, – заволновалась молодая женщина. Она передала спеленутого ребенка отцу и выпрямилась во весь свой рост, высокая и худенькая, насколько можно было рассмотреть ее при свете костра. – Она стала драться за нас и была жестоко ранена, – продолжала она. – Я видела, как эта собака потом еле поплелась отсюда прочь. А что, папа, если она здесь где-нибудь поблизости и умирает?..

Пьер Радисон поднялся на ноги. Стараясь посвистать, он вдруг судорожно раскашлялся. Иоанна не заметила сгустка крови, которая вдруг появилась у него на губах от этого кашля. Она не замечала этого уже шесть дней, пока они ехали от крайнего пункта цивилизации. Именно благодаря этому кашлю и мокроте, которой он сопровождался, Пьер и старался ехать скорее, чем ездили обыкновенно.

– Я уже думал об этом, – сказал он. – Эту собаку здорово искушали, и я не думаю, чтобы она ушла далеко. На-ка, возьми маленькую Иоанну и посиди с ней у огня, пока я вернусь.

Луна и звезды ярко светили, когда он вышел в долину. Невдалеке от опушки леса, на том месте, где час тому назад волки произвели на него и его дочь нападение, он на минуту остановился. Ни одна из его четырех собак не осталась в живых. Весь снег был окрашен их

кровью, и их трупы там же и валялись, где их загрызли волки. При виде их Пьер содрогнулся. Если бы волки в своей бешеной атаке не набросились сперва на собак, то что теперь осталось бы от него самого, Иоанны и ребенка? И он пошел прочь и опять закашлял тем тяжелым, глубоким кашлем, после которого всегда у него на губах появлялась кровь.

В нескольких ярдах в стороне он нашел на снегу следы той странной собаки, которая пришла вместе с волками и бросилась на них же в самый отчаянный момент, когда для него уже все казалось потерянным. Это был не ясный след, какой обыкновенно остается на снегу, когда животное бежит. Наоборот, животное бороздило по снегу телом, и Пьер Радисон пошел по тому следу, рассчитывая набрести в конце его на труп этой собаки.

В укромном местечке, у опушки леса, куда дотацился Казан, он еще долгое время после происшествия лежал, напрягши внимание и настороже. Он не чувствовал особенно сильной боли. Он только не имел сил держаться на ногах. Его бока казались парализованными. Серая волчица лежала рядом с ним, свернувшись калачиком, и нюхала воздух. До них доносился запах привала, и Казан мог отлично различить, что там были мужчина и женщина. Он знал, что там, у огня, который просвечивал к нему сквозь заросли сосен и кедров, должна была находиться молодая женщина. Его тянуло к ней. Ему хотелось быть поближе к огню и взять с собой и Серую волчицу, услышать голос этой молодой женщины и почувствовать на себе ее руку. Но там был и мужчина, а для него мужчина, дубинка, плеть, страдания и смерть – были синонимы.

Серая волчица еще теснее прижалась к нему и тихо заскулила, стараясь побудить этим Казана уйти в лес как можно глубже. Наконец, она поняла, что он уже не в состоянии больше двигаться, и нервно выбежала на равнину и вернулась назад и делала это несколько раз до тех пор, пока ее следы не смешались окончательно. В ней был очень силен инстинкт товарищества. Это она первая заметила, что именно по их следу к ним приближался Пьер Радисон, вернулась к Казану и предостерегла его.

Казан почуял запах и при свете звезд двигавшуюся по долине неясную фигуру. Он попытался было убежать в лес, но не смог. А человек приближался все ближе и ближе. Казан уже заметил сверкание в его руке ружья. Он слышал его тяжкий кашель и скрип снега под его ногами. Серая волчица прижалась своим плечом к его плечу, стала дрожать и оскаливала зубы. Когда Пьер приблизился к ним на пятьдесят футов, она юркнула в густую тень под елку.

Казан с угрозой обнажил клыки, когда Пьер остановился и стал на него смотреть. Собрав последние силы, он поднялся было на ноги, но тут же и упал обратно на снег. Человек представил ружье к стволу сосны и безбоязненно над ним наклонился. С диким рычанием Казан окрысился на его протянутые руки. К его удивлению, человек не замахнулся на него ни дубиной, ни палкой. Он опять протянул к нему руку, но на этот раз уже осторожно и совершенно новым голосом заговорил с Казаном. Собака опять окрысилась и заворчала.

Человек настаивал на своем и все время разговаривал, а однажды даже его одетая в рукавицу рука коснулась головы Казана и отдернулась раньше, чем он успел схватить ее зубами. Опять и опять человек протягивал к нему руку, и три раза Казан чувствовал на себе ее прикосновение, но в этом прикосновении не было для него ни угрозы, ни страдания. Затем Пьер отошел прочь и направился обратно к следу.

Когда он уже скрылся из виду и не было слышно под его ногами скрипения снега, то Казан заскулил и натопорщившаяся на его спине шерсть сгладилась. Он с жадностью стал вглядываться в костер. Человек не обидел его, и три четверти в Казане, составлявшие собаку, хотели следовать за ним.

Серая волчица пришла обратно и стала около него, твердо упершись в землю передними ногами. Она еще ни разу в жизни не была так близко к человеку, если не считать того случая, когда все волки вместе нападали только что на сани. Все в ее голове перепуталось. Каждый ее инстинкт предостерегал ее, что этот человек представлял собою самое опасное из всех существ

на земле и что его нужно было бояться больше, чем самых свирепых животных, больше, чем бурь, наводнений, морозов и голода. И все-таки этот человек не причинил ее спутнику ни малейшего вреда. Она стала обнюхивать у Казана спину и голову, к которым прикасалась одетая в рукавицу рука. Затем она опять побежала в темноту, потому что заметила у опушки леса новое движение.

Это возвращался человек и вел с собою молодую женщину. Ее голос был тихий и ласковый. И все вокруг нее дышало женственностью. Мужчина остановился, приготовившись ко всему, но без малейших угроз.

– Будь осторожна, Иоанна, – предупредил он.

Она опустила на колени прямо на снег, настолько близко от Казана, что могла достать до него рукой.

– Поди сюда, милый, – сказала она. – Ну, иди ко мне!

Она протянула к нему руку. У Казана задрожали все мускулы.

Он придвинулся к ней на один-два дюйма. В ее глазах и на лице засветился знакомый ему свет и появилось выражение любви и нежности, которые он знал раньше у другой такой же женщины с такими же волосами и лучистыми глазами, которая уже однажды вторглась в его жизнь. И недавно проехала мимо.

– Иди же! – шептала она, заметив, что он немножко придвинулся, и склонилась к нему еще ближе, еще дальше протянула руку и наконец коснулась его головы.

Пьер стоял на корточках рядом с ней. Он что-то предложил ему, и Казан узнал по запаху, что это было мясо. Но именно рука этой молодой женщины приводила его в трепет, и когда она наконец откинулась назад и поманила его за собой, то он с трудом прополз за ней по снегу с один или два фута. И только теперь молодая женщина заметила, что у него была изуродована нога. В один момент она забыла всякую осторожность и подсела к нему вплотную.

– Он не может ходить! – воскликнула она с внезапной дрожью в голосе. – Посмотри, папа! Как он ужасно искусан! Понесем его к себе!

– Я уже думал об этом, – ответил Радисон. – Поэтому-то я и захватил с собою вот эту подстилку. Но что это? Слушай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.